

Желание сказочников подражать литературному тексту, влияние на их мастерство старинных рыцарских романов отмечали такие собиратели русской сказки как Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, А. В. Гуревич. В текстах сказителей, под влиянием литературы, сталкиваются две повествовательные традиции, живая устная и, вновь пришедшая, книжная. Этим обстоятельством можно объяснить необыкновенную устойчивость деталей литературного повествования текста XVIII века в дальнейших народных трансформациях. Особое внимание обращает на себя работа А. И. Никифорова по облику северной русской сказки 1926 - 1928 годов. Записанные им в трех экспедициях сказки о победителе змее дают, на его взгляд, совершенно поразительную картину в сравнении со сказками о животных. Они отличаются более парадными праздничными предметами, развернуты в пространстве, в них отражены представления о городе и торговле, они хорошо знают чтение и письмо. А такие детали повествования как "медный дом", "медная ограда", собака "на медной цепи привязана", колодец с "почерпкой", "хрустальный мост", - возвращают нас к книжной традиции последней четверти XVIII века, к чудным приключениям восточного царевича Идана. В сказке "Вихревое царство", текст издан в 1934 году, повторяются те же детали литературного текста, в иркутской сказке "Анастасия золотая коса", записанной в 1967 году, сохранен характер поведения башмачника и записка героя, разоблачающая братьев.

Усложняясь контаминациями, разветвляясь по разным регионам, сюжет "чудесный противник" продолжает сохранять некогда привлекательные для него экзотические черты восточного мира.

Г. М. Самойлова
Курган

“ПРОЖЕКТОР ЗАЧИНА” КАК СТИЛЕВАЯ ОСОБЕННОСТЬ РОМАНОВ Ф. ДОСТОЕВСКОГО

А. Фет восхищался последней главой “Анны Карениной”: “Какой великолепный ревербер (прожектор) установили вы в финале романа”. Однако этот финал отказался печатать издатель Катков, ссылаясь на то, что жизненный путь героини завершен. В данном случае “фабульный” стереотип восприятия произведения вступил в

противоречие с замыслом писателя, активно использующего для выражения своей позиции сцепления, сопряжения, т.е. всякого рода внефабульные связи.

Эти внутренние связи необыкновенно значимы и в романах Достоевского, которые близоруким современникам казались бесформенным нагромождением обломков, хаосом. Впоследствии даже выдающийся исследователь М. Бахтин, опираясь во многом на фабульную основу романов Достоевского, как бы “потерял” автора, уравнивая его в правах с героями.

Между тем, при всей своей сложности и неоднозначности, а, может быть, благодаря ей, Достоевский необычайно заботлив по отношению к читателю, которому предлагается с помощью своеобразных авторских “подсказок” ошутить предельно полно все прихотливые изгибы мысли писателя, не перестающей направлять, указывать, предупреждать. Один из приемов подобного рода - это установка уже в зачине романа мощного “прожектора”, высвечивающего мрак “лабиринта сцеплений”. Реплика, замечание, сцена в начале произведения, обладающие глубинным смыслом, обращенным к целому произведению, не могут быть истолкованы лишь локально, в контексте ближайшего окружения, т.к. подобное “фабульное” восприятие страшно обедняет авторскую мысль.

“Преступления и наказания” еще не произошло убийство Раскольниковым старухи, но уже звучит частушка, в которой с ошеломляющей доверчивостью и простотой высказана близкая авторской позиция: “Ты мой бутושник прикрасной, / Ты не бей меня напрасно”. Но это предупреждение, сигнал, откровение так и не услышано героем, хотя до читателя, пусть в подсознательной форме, доходит переданный автором импульс, накладывая свой отпечаток на восприятие последующих сцен.

В подобном общении с читателем Достоевский необыкновенно изобретателен. В зачине романа собственная мысль автора может обрести форму некоего смыслового сгустка, выявляющего суть чужого творения, но все-таки близкого героям и ситуациям данного романа. Подобно шаровой молнии, это случайное, на первый взгляд, замечание вбирает в себя и отдает колоссальную энергию при взаимодействии с текстом, высекая искры новых смыслов, проливая свет на “тайнопись” произведения. Таким принципиально важным для понимания отдельных сцен и образов “Бесов” является замечание о герое Свифта, которое проскальзывает в начале романа: “Некто Гулливер, возвратясь из страны лилипутов, где люди были всего в

какие-нибудь два вершка росту, до того приучился считать себя между ними великаном, что, и ходя по улицам Лондона, невольно кричал прохожим и экипажам, чтоб он как-нибудь их не раздавил, воображая, что он все еще великан, а они маленькие”.

В этом высказывании заложена та игра масштабами, когда ничтожное кажется великим и наоборот, которая свойственна творческой манере Достоевского. В связи с этим замечанием в произведение входит также английское начало (ср. с французским в “Идиоте” и немецким в “Братьях Карамазовых”). Очевидно, что русские писатели чутко воспринимали ментальность каждой нации, художественно преломляя ее в своих творениях.

Подобно древнерусским авторам, Достоевский не дорожит “тайной” фабулы, неожиданно предлагая ее вниманию читателей и героев уже в самом начале произведения. Авторская мысль оказывается в сфере восприятия героев, что вовсе не ослабляет интереса к повествованию.

Таким образом, раскрывающаяся продуманность, стройность романов Достоевского заставляет по-новому взглянуть на художественное мастерство автора, в котором ему иногда даже отказывали. Свобода, “нефиксированность” отдельных элементов романов Достоевского, выступающих “напрямую” во взаимодействие с “целым” произведения, рождает ту смысловую глубину, “этажность”, которая отличает лучшие романы 1860-1870-х годов.

Г. Н. Сасина
Елец

УСАДЬБА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ МИРЕ РОМАНОВ И. А. ГОНЧАРОВА

Предметный мир, которым окружен персонаж, - его жилье, мебель, одежда, еда, способы обращения с вещами, поведение внутри этого мира, - все это служит средством характеристики человека. Все внешнее рассматривается с целью изучения внутреннего. Но ближайшими предметами обстановки окружающая героя произведения среда не исчерпывается. В разные моменты жизни он включается в